

*Донателле, моей всегдашней попутчице
в странствиях по королевствам невозможного.*

Бабушка Эя: *Туловище, руки и ноги у меня толстеют, кожа становится грубой и смуглой, волосы выпадают, а спина все сгибается и сгибается... Если вы думаете, что я просто превращаюсь в дряхлую никчемную старуху, оставьте меня в покое: я должна узнать, каково это — быть твердым снаружи и мягким внутри.*

Элиза: *Бабушка у меня со странностями, может, даже больна. Но посоветоваться мне не с кем: с мамой приходится держать язык за зубами. Если расскажу ей, она снова упрячет бабушку в психушку.*

Элизина мама: *Да, это правда... Но тогда она представляла опасность для самой себя, она была... была не в себе. Надеюсь, Элиза не в нее.*

Макс: Своим внушительным доисторическим видом черепаха распугала бы монстров из моих ночных кошмаров лучше любой рептилии.

Автор: Почему Венеция и Альдабра? Возможно, потому что у самого красивого города в мире и острова в Индийском океане есть кое-что общее: лагуна. А в лагунах, как известно, совершаются чудеса.

Шекспир: Мы знаем, кто мы такие, но не знаем, кем можем стать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Чтобы обвести смерть вокруг пальца, надо просто в кого-нибудь перевоплотиться, Элиза».

Каждый раз, шепча эту фразу, бабушка Эя буравила меня своими карими глазами. Ее легкий акцент становился более заметным, и слова звучали таинственно. Я напрягалась, точно тетива лука, сжимала губы и смотрела на нее не дыша. Мы соревновались, кто дольше выдержит взгляд.

После напряженной паузы бабушка хватала меня за руку и шепотом, обдавая ароматом плюмерии и пряностей, принималась рассказывать легенду о древнем народе на краю света, где женщины,

стоило им только захотеть, могли не умирать во все. Они просто превращались во что-нибудь другое. В этом-то вся и хитрость: не умирать, а перевоплощаться. Штука, конечно, не из легких, но по силам каждому. Бабушка тоже однажды попробовала, но у нее не очень-то получилось. А если начистоту, «провалилось ко всем чертям». Так говорила она, усмехаясь.

— А ты во что хотела превратиться, бабушка?

— Никак не вспомню.

— Может, в сирену? — подсказывала я, вспомнив картины, которые рисовала бабушка. Очень часто на них появлялись девушки с серебристыми рыбьими хвостами, танцующие в голубых волнах.

— В сирену? Похоже на то. К сожалению, у меня ничего не получилось. Сирены... я даже не совсем уверена, что они существуют!

Она улыбнулась, но потом опять стала серьезной.

— Понимаешь, Элиза, перевоплотиться можно только в то, с чем мы уже в глубине души сроднились.

Бабушка Эя рассказывала легенды и мифы так, будто делилась тайной за семью печатями. Чем причудливее были ее истории, тем больше хотелось им верить.

Бабушка круглый год ходила в белом. В двадцать лет она приехала в Венецию из Англии и тут же по уши влюбилась в рабочего с Арсенала, отца моей мамы. Ради него она без колебаний бросила многообещающую карьеру лондонской актрисы. Они поженились, потом дед умер, оставив ее одну с маленькой дочкой. Чтобы как-то зарабатывать на жизнь, Эя принялась рисовать изящные картинки с видами Венеции, как с коробки шоколадных конфет, и продавать их туристам. Она никогда больше не покидала этот город.

Я заходила к ней чуть ли не каждый день. От ее дома до моего полчаса быстрым шагом. До причала Челестия все шло гладко. Но, миновав причал и ступив на металлические мостки, тянущиеся вдоль высокой кирпичной стены, я ускоряла шаг. росписи, покрывавшие старые стены Арсенала, были слишком яркими, грубыми и напоминали

о войне. Поэтому, шагая по узким мосткам, я отворачивалась от них и смотрела на лагуну. Волна откатывалась, открывая узкую полоску грязи и мусора. Битые кирпичи, ржавые урны, сиденья растасканных машин, покрытые водорослями. Казалось, вместе с мусором прилив может вынести все что угодно. Я внимательно вглядывалась, не сверкнет ли что-нибудь на этом странном пляже. Мой взгляд подолгу задерживался на бутылках: сквозь грязное стекло я пыталась разглядеть, что внутри. Вдруг послание? Мне ужасно хотелось явиться к бабушке с письмом от потерпевшего кораблекрушение на другом конце света. Она обожала такое.

Но спуститься вниз, чтобы заглянуть в эти бутылки, я, конечно, не решалась. Прогнивший деревянный причал чуть поодаль, у острова, на котором находилось кладбище, отбивал у меня всякую охоту. Он торчал над мутной водой, кренясь, будто пьяный, и наводил меня на странные мысли. А вдруг под пристанью в тухлых водорослях застряла голова утопленника?

Дойдя до середины мостков, я невольно начинала бежать. Неслась мимо ангара с замурованными окнами, даже не заглянув в щели между кирпичами. Конечно, пару раз, воспользовавшись моментом, когда мимо проходили люди, я украдкой заглядывала внутрь. В присутствии прохожих я даже осмеливалась остановиться. И, прижавшись лицом к металлической сетке, закрывавшей щели, наспех пожирала глазами ангар. Сквозь непропорционально высокий потолок лился свет, освещающий заросший травой пол. Вдоль стен выстроились таинственные каменные печи, такие гигантские, что в них легко можно зажарить целого быка.

Этот ангар был даже больше того, в котором бабушка Эя устроила мастерскую. Еще более пустой и зловещий. Подходящее местечко для ночных собраний Ку-клукс-клана.

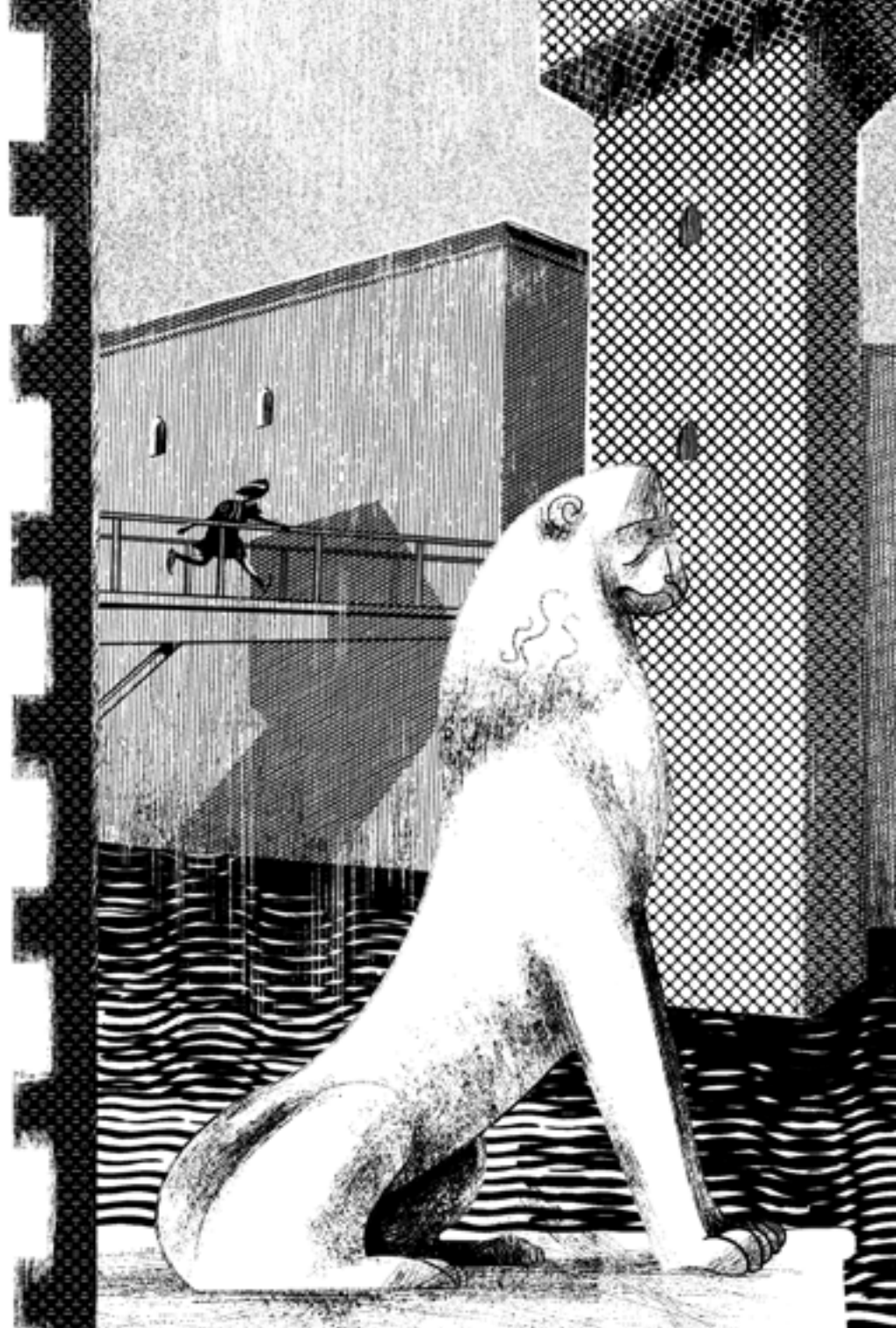
В тот день я не встретила прохожих, поэтому замедлила шаг, только когда в конце мостков показались выстроившиеся в ряд домишки Казармы. Среди них было несколько обитаемых, с ухоженными садиками, утопавшими в кустах роз.

Но большая часть годами стояла с заколоченными окнами, а вместо роз тут росла дикая ежевика. На длинных веревках всегда сушилось белье: трусы, носки, старые негнущиеся штаны, хлопающие от ветра на фоне лагуны. Казалось, белье не снимают неделями.

Людей на улице я видела очень редко: лишь иногда кто-нибудь копошился у дома. Случалось, они приветствовали меня коротким кивком. В основном старики: детей было мало, да и те необщительны. Стоило мне посмотреть, как они играют, дети тут же без улыбки и без враждебности уходили прочь. Поэтому я решила никогда не останавливаться.

Впрочем, самая страшная часть пути была еще впереди.

Как обычно, в тот день я почувствовала себя Красной Шапочкой, которая бредет по опасному лесу к бабушке. Я тоже несла «пирожок и горшочек масла», только не в корзинке, а в пластиковой коробке. К счастью, до сих пор мне не попался ни один волк.

Как странно, подумала я тогда. Почему мама никогда меня не провожает? Не кажется ли ей, что тут опасно? Неужели она не знает, как здесь безлюдно и неудобно? Нет, в том-то и дело: она никогда не была в этих местах.

Неожиданно в голове у меня промелькнули две мысли.

Первая: у меня супербабушка. Бедная и очаровательная. От которой пахнет цветами плюмерии. Которая умеет потрясающе рассказывать истории. Которая верит всему, что ей говорят, и никогда меня не ругает. Всем бы такую бабушку.

Вторая: мама, единственная дочь, никогда не проходит по железным мосткам, чтобы навестить бабушку. А бабушка, у которой в целом свете нет других родственников, кроме нас, никогда не приходит в гости. Никогда-никогда-никогда. Даже на Рождество. И по телефону они никогда не разговаривают.

Последнее вполне понятно: у бабушки нет телефона. Но не объясняет всего остального.

Смешно: я никогда об этом не задумывалась. Я так привыкла быть Красной Шапочкой, которая

одна-одинешенька идет к бабушке. Это сейчас, когда я взрослая, я хожу сама; а раньше меня провожала одна из маминых подруг, соседок по дому. Мне это казалось обычным делом.

Так было всегда.

Сколько раз я приходила к бабушке Эе? Если считать четыре раза в неделю, а недель в году пятьдесят две, получается около двухсот раз в год. Двести помножить на десять — столько мне лет. А ведь я ходила к ней с рождения, то есть получается всего где-то две тысячи раз. Правда, надо вычесть первые месяцы после рождения, когда я была слишком маленькой для таких далеких прогулок, время, что я проболела скарлатиной, дни школьных экскурсий и каникул за городом... в общем, можно с уверенностью сказать, что я была у бабушки как минимум полторы тысячи раз. И всегда без мамы!

Но мне не казалось это странным. Может быть, если привыкнуть к чему-то странному с рождения, это перестает казаться странным. Но в тот день необъяснимое поведение мамы и бабушки занимало все мои мысли. Возможно, потому, что по дороге к Челестии я встретила Франческу (мою соседку

по парте), которая шагала между своими мамой и бабушкой. Ее бабушка была очень старая, девяносто четыре года. Но они все втроем весело направлялись к универмагу за новым платьем для Франчески.

Погрузившись в размышления, я брела мимо садилов и развевающегося на ветру белья, через запущенные огороды, заросли густой травы, крапивы и всевозможных сорняков. Какой тайный закон заставлял маму и бабушку, мать и дочь, не ходить друг к другу в гости? Я чего-то не знаю? Когда я возвращалась домой от бабушки Эи, мама всегда дотошно расспрашивала о ее здоровье. Она засыпала меня вопросами, порой обескураживающими. Например: «От нее нормально пахнет? Ты уверена, что она моется?» Она волнуется за нее. Любит. Но тогда почему они избегают друг друга?

Показалась внушительная арка в стене с гигантской надписью «АРСЕНАЛ ВЕНЕЦИЯ». Когда я прошла сквозь нее, лагуна исчезла за высоченной зубчатой, как у замка, стеной, пересекавшей весь район. Я миновала другие ангары из красных кирпичей со странными металлическими станками,

выкрашенными в ярко-голубой цвет. Должно быть, кто-то на них работал, не давая им покрыться ржавчиной. Но я никогда не видела, чтобы туда входили люди.

Дойдя до таблички «ВОЕННАЯ ЗОНА», я взглянула на красный знак с перечеркнутой рукой — вход воспрещен — и повернула направо. Таблички «ОПАСНОСТЬ ОБРУШЕНИЯ» на некоторых зданиях призывали держаться от них подальше.

Я шла вперед, забыв о своем страхе Красной Шапочки в лесу, пытаюсь собрать воедино все то, на что до сих пор не обращала внимания. И вот куча необъяснимых фактов. Например, бабушка Эя никогда не упоминала о своей дочери. И дома у нее не было маминых фотографий. Ни одной. И еще. Мои рассказы о маме она выслушивала молча, с натянутой улыбкой. А потом меняла тему.

Очень-очень-очень странно. Как я раньше не замечала всего этого?

И вот еще: почему мама всегда советовала мне говорить бабушке, что я сама, своими руками приготовила кушанья, которые ей приносила?

Часто мама наспех что-нибудь стряпала, а я только украшала, правда, весьма изощренно и причудливо. Но мама всегда просила говорить, что я все-все делала сама: и месила тесто, и раскатывала, и ставила в духовку. Раньше я думала, мама хочет, чтобы я произвела впечатление на бабушку. Но теперь и это казалось странным.

Через огороды, засаженные капустой, я добралась до ворот корабельной верфи. Потом, как обычно, свернула влево и уверенно нырнула в заросли кустарника и высокой травы. Здесь пряталась тропинка: чтобы выйти на нее, надо было точно знать, куда ставить ногу. Никому бы не пришло в голову соваться в заросли крапивы высотой с четырехлетнего ребенка. Я взглянула на растущую вдоль тропинки дикую вишню. Ягоды почти созрели. Может, им осталась еще пара недель. Я хорошо знала этот вкус: до того кислый, что вяжет рот. Когда ягоды из бледно-розовых превращались в ярко-красные, я рвала их и запихивала в рот целыми пригоршнями, чтобы потом пулеметной очередью выплевывать косточки.

Метров через двадцать заросшая тропинка вдруг выходила на широкую окруженную деревьями поляну. Приближалось лето, так что лужайка была покрыта густой сочной травой. Посреди поляны возвышался маленький холмик — метра два в высоту. Трава на нем почему-то всегда оставалась ярко-зеленой, даже зимой. А в глубине был разбит огород и стоял сарай для инструментов.

Я огляделась вокруг: нет ли бабушки на улице, не копается ли она в капустных грядках в своем длинном белом платье, которое, как по волшебству, никогда не пачкается. Но в тот день ее там не было, и я пошла дальше.

Значит, она в доме: режет на кухне овощи для своих фирменных салатов и слушает радио. Или в заброшенном ангаре рядом с домом. Это точно такой же ангар, что был у меня на пути, разве что чуть поменьше и без печей. Его бабушка оборудовала под мастерскую. Он был весь забит всевозможными кистями, тубиками, банками с краской, водруженными на перевернутые ящики из-под фруктов. Полотна тоже стояли на перевернутых

ящиках, чтобы их не затопило при наводнении. На полу теснились ведра с водой.

Я перешла лужайку, пробралась под густыми кронами деревьев и остановилась у разбитой заросшей травой лодки. Она лежала здесь, должно быть, не меньше века. В детстве я любила забираться в нее и играть в пиратов. Теперь у меня была другая игра. Медленно зажмуриваешься, не сводя глаз с лодки, пока она не расплывется в тени опущенных век. И тогда лодка поднимется над лужайкой и точно дирижабль поплывет, покачиваясь в небе. Это чудо было под силу мне одной.

Лодка лежала прямо у двери бабушкиного дома. Деревянной двери некогда голубого цвета, опутанной плющом, ползущим вверх по водосточным трубам и скрывавшим заклеенные бумагой разбитые окна верхнего этажа. На двери никакого звонка. А как ему тут оказаться? Ведь в доме не было электричества.

Как всегда, перед тем как постучать, я посмотрела на кусочек неба над высоченной зубчатой стеной. На нем виднелась только изящная верхушка

далекой колокольни. Всего лишь верхушка. И чуть в стороне — огромный подъемный кран. Вот и все, что осталось от Венеции. Город для меня исчез.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дверь открылась, и я протиснулась в крошечную прихожую, заставленную высокими резиновыми сапогами и завешенную непромокаемыми плащами.

Бабушка обняла меня и нагнулась, подставляя мягкую щеку, благоухающую, как и дыхание, пряностями и плюмерией. Ее длинные белые волосы были собраны в змеившуюся по спине густую косу, будто из белоснежной шерсти.

Поцеловав меня, она отодвинулась, чтобы получше рассмотреть. На лице появилось недоумение.